

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Наиболее наглядно знания человека о мире, закрепленные в языке, проявляется в области лексики. Будучи своеобразным отпечатком пути, пройденного народом, она дает возможность проследить живую, непосредственную связь слов и понятий, почерпнуть сведения о бытии человеческого коллектива, сохранившиеся уже только в народной памяти. В статье рассматриваются один из фрагментов диалектной культуры — лексика, связанная с наименованием пищи, в псковских говорах.

Ключевые слова: этнолингвистика, языковая картина мира, диалектная лексика, этнокультура, пища, псковские говоры

S. V. Lukyanova

ETHNOLINGUISTIC SPECIFITY OF DIALECTAL VOCABULARY

The person's knowledge about the world, which is fixed by the language, is more strikingly revealed through one's vocabulary. Being a way that a nation has passed, lexis enables to see a vivid connection of words and concepts, to take out information about people's community existence that is only retained in a nation's memory. The article deals with one fragment of dialectal culture — lexis of food nomination in Pskov's dialects.

Key words: Ethnolinguistics, linguistic world-image, dialectal vocabulary, ethnoculture, food, Pskov's dialects.

Давно признанной считается большая роль языка в этнокультуре. Знания человека о мире, закрепленные в языке, отражают и национально-культурный опыт народа. Вопрос о взаимоотношении таких понятий, как «язык», «культуры», «этнос», на протяжении нескольких столетий активно разрабатывался как в трудах зарубежных лингвистов (В. Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Е. Бартминского и др.), так и в трудах отечественных лингвистов (Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Д. К. Зеленина и др.). В России сегодня сформировано несколько этнолингвистических школ: Московская (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская, Т. А. Агапкина и др.), Санкт-Петербургская (А. С. Герд, Е. В. Перехвальская и др), Екатеринбургская или Уральская школа (Е. Л. Березович, М. Э. Рут, О. В. Востриков и др.).

Этнолингвистика есть раздел языкознания или — шире — направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции [7, с. 27]. Этнолингвистическая наука, занимаясь вопросами взаимосвязи языка и этнокультуры, уделяет особое внимание проблемам репрезентации языковой картины мира, в том числе диалектной. Самое пристальное внимание диалектологов направлено на ту часть словаря говоров, которая номинирует определённые формы народной культуры местного населения; при этом особый интерес представляют пока недостаточно изученные в лингвистическом отношении предметы материальной культуры — артефакты: пища,

одежда, постройки, орудия труда и т. п., поскольку именно они являются основными источниками информации о повседневной жизни и деятельности человека.

Диалектные словари можно назвать памятниками духовной и материальной культуры. В них отражен огромный объем этнокультурной информации, говорящей о разных сторонах жизни диалектоносителей. Псковский областной словарь (далее ПОС) — словарь полного типа. В инструкции словаря еще в 60-х гг. 20 века Б. А. Ларин писал: «Принцип полноты отражения словарного фонда псковских говоров в ПОС дает возможность исследователю, пользующемуся этим словарем, произвести свой подбор и группировку слов по любому принципу, по любой научной и практической надобности» [2, с. 254]. Собранный материал аккумулирует самую разную информацию не только о языке, но и об особенностях быта, духовной и материальной культуре народа.

Связь языка с историей народа наиболее наглядна в области лексики. Будучи своеобразным отпечатком пути, пройденного народом, она дает возможность проследить живую, непосредственную связь слов и понятий, почерпнуть сведения о бытии человеческого коллектива, сохранившиеся уже только в народной памяти. Одним из фрагментов диалектной культуры, заслуживающим особого внимания, является лексика, связанная с наименованием пищи, так как она является универсальной категорией каждого культурного сообщества. ПОС и картотека ПОС содержат большое количество лексем, называющих блюда и напитки. Немалую долю в псковском материале составляют наименования молока и молочных продуктов, что свидетельствует о большой роли еды из молока в пищевом рационе сельчанина.

Рассматривая молоко и молочные продукты, Липинская В. А. отмечает их индивидуальный характер и незаменимость в питании сельских жителей: «Восточнославянские народы употребляли в пищу преимущественно корове молоко. Свежее молоко пили (парное — сразу из под коровы и охлажденное, кипячёное и топлёное), ели квашеное (простокваша, кислое) с хлебом и картошкой. На Севере и в Сибири молоко замораживали и ели с лепёшками. Замороженное молоко запасали зимой, брали в дорогу, растапливали по мере надобности. Чаще употребляли молоко в летнее время. Им «забеливали» супы, с ним жарили яичницу, варили молочную кашу. Чаще в пищу употребляли кислое молоко» [3, с. 303].

В тематической группе «Питание» молоко и блюда из него стоят особняком. Жидкая консистенция, наверное, и сыграла свою роль в определении специфики этой еды. С одной стороны, мы не едим молоко, простоквашу и кефир ложкой, с другой, само сочетание «поешь молочка» не вызывает у нас как у носителей языка никакого недоумения. Вопрос о том, является ли молоко напитком, на наш взгляд, не имеет однозначного решения. Это определяется синтаксическими связями в говорах, кроме того, для незрелого существа молоко, как правило, служит основной едой, а напиток не занимает в процессе насыщения главного места.

Глагол **есть** в русском языке тоже обладает специфическим значением: в литературном языке **есть** значит 'принимать, поглощать пищу, употреблять в пищу', значение не конкретизируется семей 'жидкую', 'твердую'; в псковских говорах глагол **есть** имеет более разветвленную систему значений: 'принимать пищу'; 'повреждать, поедая'; 'кусать, жалить [о насекомых]'; 'разъедать, разрушать'; перен. 'изводить, бранить, не давая покоя' [5, вып.10, с. 136–137]. В словарной статье к первому значению даётся контекст: «*Так ись зъхателось, пришла дамой да как сизель сталбун мьлаки с приснухами*» (Себ.). Можно было бы предположить, что употребление глагола *есть* по отношению к молоку обусловлено тем, что эта еда предполагается для

запивания «твердого» кушанья, но в псковских говорах употребляется глагол *есть* и по отношению к жидкостям. В той же словарной статье ПОС находим: «Толька малаком я и дыхаю, толька яво и ем» (Беж.); «Чего ты мълако ни естиши?» (Слан.); «Мы с Тонькой ретка чай ядим, когда здрямицца» (Н.-Сок.). Всё сказанное обуславливает особое положение наименований молока и молочных продуктов. Это как бы промежуточное явление между напитком и «ненапитком». Лексема *молоко* сочетается в псковских говорах как с глаголом *пить*, так и с глаголом *есть*: «Маль пиль мълака» (Порх.); «Залито мълако ня пиль». (Остр.); «Пей, ты и таплёнку любишь» (Беж.); «Таплёночки выпейте» (Пл.); «Попейте постоялки» (Стр.) «Будете есть молоко с черникой» (Гд.); «Чего ты мълако не естиши?» (Сл.); «Ребятишки молоко не ядя» (Гд.); «Постоялку совсем не могу есть». (Нев).

Со значением 'молоко' в картотеке ПОС и ПОС зафиксировано 18 лексем: **бритик, бритка, бритоус, бритуха, вечерешник, молодиво, молоко, молоко (бритое, гоняное, редкое, синее), молочина, молочко, обрат, отгон, перегон, постоялка, утрешник**. В семантике лексем можно отметить разную степень обобщения, то есть среди этих слов есть более общие наименования: **молоко, молочина, молочко** и наименования какого-то определённого вида этого продукта.

Таким образом, в псковских говорах **молоко** имеет несколько разновидностей: «Вам какого малака: вечеришника аль другова?» (Пск.); «Мълако вичерешник: вечъръм надоина» (Локню) 'молоко, выдоенное вечером'; «Маладива — эта первая малако, как отелицца карова» (Беж.); «С малодива пяску да в чашку, да в печку, зделаицца как пирок» (Беж.) — 'первое молоко после отёла коровы. Оно не используется в пищу людьми, из него могут только готовить запеканку'; «Картошкъ и мълачинь в доме есть, сыт будешь» (Остр.), «пайдём дам мълацка сваей девъки» (Печ) — 'свежее молоко'; «Как пастоит малако, но не кислое — то постоялка» (Пск.) — 'непарное свежее молоко'; «Свежые малако тока утръм падано, утрешник». (Беж.); «Доили по три раза, а вутряшнее — вутряшник называецца» (Кр.) — 'молоко, выдоенное утром'.

Кроме того, существует множество наименований обезжиренного молока:

«Малако сверъху сънимаиш, а там адин бритаус астаецца» (Аш.); «Черес сипаратар праганяем малако, так сливки и бритик получаецца» (Печ.); «Бритка — малако черес сипаратор прогната» (Пск.); «Какое у ней малако. У меня бритка и то жырней» (Печ.); «Бритае малако там нет никаких жыроф» (Кр.); «Бритуха остаёцца после перегонки малака» (Остр.); «Нъпаить тибя бритухъй аль мълаком?» (Печ.); «Гоняное малако, эта што сквось сипаратор прайдёт» (Беж.); «Снимают битоны с абратъм» (Пск.); «С адгону и творык плахой, тольки вылить парасёнку» (Н.-Рж.); «Отгону дадутъ и хочем, чтоб росли» (Пуш.); «Перегон — эта обижжыренное малако, прогнатое» (Пск.); «Сквось сипаратор праганят, астанецца адно реткая малако» (Порх).

Такое количество разнообразных наименований обусловлено необходимостью этого продукта для человека. Здесь отражается одна из характерных черт диалектного языка — его стремление к дифференциации — «называнию», «обозначению» каждого оттенка значения новым словом.

Одним из любимых русских блюд и простейшим в приготовлении является **простокваша**. В СРЛЯ это 'загустевшее кислое молоко' [6, т. III, с. 527]. В псковских говорах значение 'простокваша' представлено 14 лексемами: **боликиша, болтакиша, дребездушка, жарница, квашня, квашонка, кислуха, кислушка, кислятина, кислятка, простоквиша, простокиша, простокишка, сорокваша, сыропыха**.

Общерусское **простокваша** также широко распространено в псковских говорах: «**Простокваша** *делаицца с малака, кислая малако, она с писком очень фкусна, на отведай*» (Пск.). Простоквашей может быть не только кислое молоко и густое молоко, но и скисшее до такой консистенции, что его *можно есть ложкой*, поэтому **простокваша**, как и молоко, может иметь значение ‘напиток’ и ‘блюдо, которое едят ложками’.

Более древнее название — **простокиша (простокишка)**, так как передаёт особенности номинации блюда: «**Простокиша**, *если малако скиснет*» (Пуш.); «**Простакишка** — *та свеженькая*» (Беж.). **Простокваша** и **простокиша** образованы по одной модели: «Простокваша, простокиша — заквашена просто, естественным путём» [8, Т. III, с. 380]. «Элемент **кваша** — ‘нечто заквашенное’. **Кваша** представляет собой производное с суффиксом -j- от квась» [4, с. 166].

Молоко, приготовленное топлением, в говорах имеет свое наименование, в отличие от литературного языка, — **топлёнка, топлёночка**: «*Пей, ты и таплёнку любишь*» (Беж.); «**Таплёночки** *выпейте*» (Порх.). Словарь В. И. Даля отмечает еще одну лексему, не зафиксированную в современных говорах: «**топелка** пск. Топлёное молоко» [1, Т. IV, с. 416].

Таким образом, материал, выявленный в ПОС и картотеке ПОС, показал, что в псковских говорах существуют различные наименования для одной и той же реалии «**молоко**» и «**простокваша**», эти наименования отражают разные актуальные признаки для носителя языка в значении слова. Кроме того, большинство слов среди наименований молока и молочных продуктов — собственно диалектные лексемы, образованные от общерусских корней. Большая часть лексем широко распространена в псковских говорах: **бритка, бритуха, вечерешник, кислуха, молодиво, молочина, молочко, обрат, отгон, перегон, постоялка, утрешник** в значении ‘молоко’. К единичным наименованиям можно отнести: **молоко (бритое, гоняное, редкое)** в значении ‘молоко’ и **боликиша, дребездушка, жарница, квашня, квашонка** в значении ‘простокваша’. Зафиксированная лексика позволяет отметить определенную этнокультурную роль молочных напитков. Пища является одним из самых древних компонентов материальной культуры народа. Ее специфику определяют социально-экономические условия, память и преемственность поколений, многочисленные межэтнические контакты.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Русский язык, 1981.
2. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Псков: ПГПИ, 1962. С. 252–272.
3. Липинская В. А. Пища и утварь // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 292–312.
4. Лутовинова И. С. Слово о пище русских: (К истории слов в русском языке). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 304 с.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л. (СПб): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2013. (ПОС)
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР (МАС). М.: Русский язык, 1981–1984.
7. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995. С. 27–40.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.